

Русскую Историю и прибавить дощечки на памятниках, в частности, на памятник царю Александру III? Мы и сами понимаем, что этот памятник не символ Русской Истории, но если уж придется, то мы дополним следующим образом:

Тебя, Самодержец Всероссийский, Князь Кавказский, Генсек Коммунистический и прочая и прочая, посадим на ту же лошадь за седлом, спиной к царю и обращенным в сторону хвоста, так как ты не любишь соперников, хотя и усопших, и в знак твоего самодержавия, в некотором смысле противоположного царскому. Царь будет натягивать узду, а ты — хлестать по крупу плеткой, с выраженьем на лице величайшего восточного воодушевления. Рядом с этим конем мы поставим другого коня, символизирующего результат предыдущего действия: с поднятыми задними ногами и неустойчивым положением обоих всадников. Впереди этих будет третий конь, худой, нервный, гибкий и горячий, с поднятыми передними ногами и совершенно чистым седлом. Ничего не придется писать на дощечках: вся символика будет разгадана любым прохожим.

Теперь тебе мое слово, лицемерный и незлобный, тонимый и душимый долготерпеливый русский человек. Не подумай, что мысли, поведенные здесь, проникнуты малодушием, хотя вспоминать и разглядывать приходится лишь такое, что подавляет и гнетет. Тут, и впрямь, можно бы отчаяться. Но разве и прежде, и теперь не было в русской жизни ничего более светлого? Если так ты подумаешь, близкий сердцу читатель, то я скажу тебе: **слона-то ты и не приметил!** Ибо кроме гоголевских типов был еще сам Гоголь, была, есть и будет любовь к Гоголю русскую людей, сиречь, любовь к чистой совести и к творящему, светлому гению, обладающему даром рождать. Этот гений и будет отцом нового русского человека.

Гордей Неелов.

О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

О ДУХОВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКОМ МЕССИАНИЗМЕ¹⁾

«Мировые события, двигаясь на землю, бросают перед собой свои тени».

(Момзен).

Максим. Да, брат мой, я могу предсказать тебе исход.

Юлиан. Можешь? Так открой мне его! Кто победит — Кесарь или Галилеянин?

Максим. Оба — и Кесарь, и Галилеянин исчезнут.

Юлиан. Исчезнут..? Оба..?

Максим. Оба. В наше время или через сотни лет — не знаю; но это сбудется, когда явится Истинный.

1) Некоторые места этой статьи взяты из публичных выступлений автора.

Юлиан. Кто Истинный?

Максим. Тот, кто поглотит и Кесаря, и Галилеянина.

Юлиан. Ты разрешаешь загадку еще более темной загадкой.

Максим. Слушай меня, друг истины и брат мой! Я говорю — оба исчезнут, но не говорю погибнут. — Не исчезает ли дитя в юноше, а юноша в свой черед в зрелом муже? Но ни дитя, ни юноша не погибают. — И ты мой, возлюбленный ученик, забыл разве наши беседы в Эфесе, беседы о трех царствах?

Юлиан. Ах, Максим, с тех пор минули годы! Говори.

Максим. Ты знаешь, я никогда не одобрял того, что ты предпринимаешь, став императором. Ты хотел превратить юношу снова в дитя. Царство плоти поглощено царством Духа. Но царство духа не конечное состояние, как и юношество. Ты хотел помешать росту юноши, воспрепятствовать ему стать мужем. О, безумец, обнаживший меч против грядущего, против третьего царства, в котором явится владыкой Двойственный! (Г. Ибсен, «Кесарь и Галилеянин»).

Проблему кризиса современной цивилизации теперь в той или иной форме ставят все. Но важно вопрос поставить правильно, ибо как известно, правильно поставить вопрос — наполовину уже значит решить его. Правильность же его постановки заключалась бы прежде всего в том, чтобы понимать, что в мире происходит нечто неизмеримо большее, неизмеримо более значительное, чем кризис одних лишь социально-экономических форм капитализма. В действительности происходящий на наших глазах всемирно-исторический переворот, имеет не только внешний социально-экономический аспект, но и другой, при том более первичный, более основной, внутренний, духовный аспект.

Мир утопает в море пошлости, ненависти и разгула всех низших инстинктов и страстей. И естественно встает вопрос — откуда весь этот разлив моральных нечистот, грозящий захлестнуть современное человечество? Ведь кризис капитализма и вообще социально-экономических отношений — это кризис лишь форм общества, кризис внешнего строя. Перед нами же нечто неизмеримо большее, перед нами кризис человека, как такового, зрелище разложения личности человека.

Теперь все чаще говорят о страшном факте, наблюдающемся в мире, о факте угасания чувства свободы в современном человечестве. Но говорящие это не знают, что этот факт находится в прямой зависимости от другого еще более значительного факта, также происходящего в мире, факта угасания личности человека. Больше того, они не знают, что сами способствуют этому угасанию, когда культивируют на месте подлинного человека того современного буржуазного выродка, того духовно-морального кретина, который все представления о достоинстве человека подменил одним своим лавочническим «здравым смыслом». Ведь как стоит вопрос о свободе? — Здесь этот вопрос, как и всюду, может быть контрольным.

На свободу нужно иметь духовно-моральное право. Свободы надо быть достойным. Право на свободу имеет человек, но этого права не может иметь животное. Его не могут иметь существа в том или ином смысле невменяемые. И вот психологически встает роковой и полный соблазна вопрос: им уже соблазнилась значительная часть человечества — вопрос о, так сказать, духовно-социальной вменяемости современного буржуазного человека и следовательно, о праве его на свободу. В прямой и грубой форме этот вопрос психологически вста-

ет, как вопрос возмущения, — «кому свободу!?!». — Этому духовно-моральному крестину, универсальному пошляку, превратившему жизнь в конюшню, в лабаз, в лавку!? И на что употребил он эту свою свободу!?! Вот нравственно-психологическая подоплека того возмущенного отрицания свободы, с которым по неведению о действительном соотношении вещей, выступила современная мировая пореволюционная молодежь. Те, кому действительно дорога ценность свободы, должны понять это, чтоб не оказаться невольными предателями ее. Нельзя проповедовать свободу, отрицая высшее достоинство человека, — а во что превратили человека они — современные носители и защитники свободы!?! Можно с полным основанием утверждать, что гасителем свободы является не большевик, не гитлеровец: они лишь следствия, — гаситель свободы, тот, кто является гасителем сознания высшего достоинства человека — современный буржуазный выродок западно-европейской цивилизации, возведший в принцип и добродетель свое духовное ничтожество. И предает свободу не большевизм, а именно буржуазная демократия, ибо это она сгноила и продолжает гнить человека, культивируя то скотское материалистическое мирозерцание, которое не утверждает, а отрицает его человеческое достоинство. Вот почему мы, утверждая незыблемость ценности свободы, ищем для ее обоснования нового соответственного мирозерцания, которое бы явилось не отрицанием, а подлинной манифестацией высшего достоинства человека.

Всем сказанным мы не отрицаем великой европейской цивилизации, создавшей такие внешние возможности, что люди могли бы быть полу-богами, если бы их субъективное существо соответствовало их внешним объективным возможностям. На это уже обратил внимание Мирабо, когда говорил: «Эпоха наша величественна, а люди ничтожны». Мы отрицаем не эту величайшую в мировой истории цивилизацию, а ее выродившегося духовно дегенерировавшего носителя, ее антропoidного человека, этого духовно-морального обрубка, осквернившего, духовно опустошившего Землю, превратившего священную драму мировой истории в животную борьбу за существование.

И вот, этот современный буржуазный человек и является воплощенным последствием того кризиса личности человека, который есть вторая духовная сторона происходящего в мире всеобщего кризиса.

Но если кризис внешних отношений жизни, кризис капитализма есть социально-экономический вопрос, то кризис личности человека есть уже вопрос духовно-культурный. И я утверждаю, что в основе этого более первичного, более основного кризиса лежит кризис, больше того — смерть души современной цивилизации, — христианства, 1) — говорю «души», ибо религия в том, что в ней есть положительного, пророческого есть душа, первоидея, первопринцип культуры.

Здесь невольно вспоминаются замечательные слова Розанова, что та пустота, куда проваливаются современные троны, нации, государства, классы, есть пустота образовавшаяся на месте христианства. Большевики не могли бы взрывать тысячелетние храмы и монастыри, если бы они не были уже в духовном смысле пустыми. А молчаливое безучастие при этом «христианнейшего», как некогда говорили, русского народа лишь знаменательно, как показательное отношение всего вообще мирового общественного мнения к большевистскому вандализму, которое было лишь шакировано им, но даже не возмущено.

В таком состоянии смертельного кризиса прежней духовно орга-

1) Мы везде говорим об историческом христианстве, — потенциально возможное неохристианство мы не можем ни отрицать, ни признать, так как мы его пока еще не знаем.

низующей силы — христианства — человечество духовно умрет, если не обретет нового положительного мирозерцания; окончательно угаснет в материалистическом идиотизме, если не будет зажжен, новый, величиию эпохи соответствующий, идеализм. В мире так много накопилось ненависти, тьмы, злобы, сил распада и раз'единения, что человечество захлебнется в крови, проглотит самое себя во взаимном пожирании, если не прозвучит новое слово любви, если в жизнь не войдет новая объединяющая идея мира. Но если это случится, то это будет не убогая христианская «любовь к ближнему», которая никого уже не может больше вдохновлять, — это будет некая новая любовь, обнимающая весь мир, знаменующая новую величественную весть о человеке.

Как сказано было, теперь уже не многие отрицают происходящий в мире социальный переворот. Но жизнь во всем своем многообразии — едина и органически целостна. И если не становиться на марксистскую материалистическую точку зрения, то, схематизируя и упрощая, надо сказать, что «бытие» определяется «сознанием». — Значит переворот, который происходит в современной внешней действительности, должен иметь в основе своей такой же переворот и в области духа. Но если даже стать на вторую из этих двух возможных полярно-противоположных точек зрения, по которой, наоборот, «сознание» определяется «бытием», то и тогда, так как в сфере внешнего «бытия» имеет место величайший переворот, то, следовательно, в качестве его последствия, такой же переворот должен происходить и в области духа. Социальный переворот и духовная революция суть коррелятивы — внутренний и внешний, и кто признает один из них, должен необходимо признать и другой.

Но как всякая революция, духовная революция, которая именно потому что это внутренняя и глубинная сторона бытия, совершается пока незримо и молекулярно, есть процесс двуединый, двусторонний. Настоящая, подлинная революция всегда состоит из отрицательной, негативной и положительной, конструктивной стороны. При этом, одна из этих двух сторон без другой бессмысленна, другая без первой — невозможна. Негативная без конструктивной бессмысленна, ибо бессмысленно разрушать не во имя творчества; а творческая конструктивная без негативной — невозможна. В истории действует своеобразный закон непроницаемости: чтоб стало возможным творчество нового — задача конструктивной стадии революции, — надо чтоб было преодолено старое — задача ее негативной стадии.

А кроме того здесь присутствует могучий стимул необходимости, без кнута которого человечество не хочет идти вперед. Раз разрушен старый мир, то чтоб жить, ничего не остается, как строить новый. — Вот в чем здесь сила необходимости. Таково страшное трагическое преимущество России: потеряв все, ей ничего не остается, как искать, разрушив старое, ей ничего не остается, как строить новое. И поэтому если для того, чтоб преодолеть человеческую лень, косность и консерватизм, нужен погоняющий кнут необходимости, то мы готовы сказать, — да будет благословенным этой священной необходимости кнут! — Лишь избранный состав человечества движется вперед из свободы, подавляющее большинство его движется вперед из необходимости. И если бы не эта погоняющая сила необходимости, то человечество омертвело бы в неподвижной спячке. Положительными идеалами, любовью вдохновляется лишь передовое меньшинство, большинство — движется отрицанием и тем, в лучшем случае, что можно бы назвать ненавидящей любовью. Лишь творческие натуры хотят, нового, широкие массы лишь не хотят старого. Они не способны по настоящему любить, они способны лишь ненавидеть,

пусть ненавистью святой, праведной и движущей. Не новой правды они хотят, они лишь не хотят старой неправды. И потому в известном смысле надо, чтобы было, так сказать, очень плохо, чтобы стало хорошо. В вавилонском талмуде с наивной гениальностью говорится, что Спасение, Бог придет в мир тогда, когда «все станут праведниками, или все грешниками». Ибо тогда станет невозможным так дальше жить. Тогда возмутится человеческое достоинство, тогда заговорит человеческая нужда, встанет и заявит о себе могучий человеческий инстинкт самосохранения.

Так вот происходящая в мире духовная революция не достигла еще своей положительной творческой стадии: этой темой встревожена пока лишь передовая часть человечества. Но она уже вступила в свою первоначальную негативную стадию, в которой она движется по преимуществу массами и их отрицаниями. Отсюда эти темно-праведные, преступно-святые черты в шальном, неуравновешенном, перекошенном образе современности. И тот факт, что именно в России наиболее бурно, последовательно и полно выявилась негативная, отрицательная стадия происходящей в мире революции вообще и в частности духовной революции, стадия воплотившаяся в большевизме, есть некоторый залог того, что именно здесь наиболее полно и творчески значительно проявится и ее положительная стадия, носителями которой явятся люди, идущие на смену большевизму, люди новой **конструктивной акции**. Большевизм есть лишь **смерть** определенных культурных, социальных и духовных форм жизни. Отсюда эти темные, трагически преступные черты, которыми обрисована его негативная революция. Но за ней необходимо последует конструктивная стадия революции, последует — рождение новых культурных, общественных и духовных форм. Большевики разрушили старую ложь. Только в этом их историческое значение. Но за ними придут новые люди, которые принесут новую Правду. Большевизм — тень грядущей в мир новой религии, ее **негатив**, но за ним, когда сроки будут исполнены и пути расчищены, явится положительное осуществление этой религии, явится **позитив**. И если сегодня мир живет под знаком отрицательной русской акции, то завтра он пойдет под знаком ее положительной акции. А пройдут столетия и быть может Москва будет для человечества тем, чем были для него Афины, Иерусалим, Мекка. Мы носители этой пореволюционной положительной акции, должны быть на высоте того, что в мире происходит и на глубине его значения и смысла. Ибо Россия беременна новой религией — мы должны будем явиться акушерами при страшных родах. Только безнадежно слепые не видят того, что происходит в мире, хотя по слову поэта уж «весь горизонт в огне и ясен нестерпимо». Не потому ли, что слишком яркий свет не только освещает, но и ослепляет?

Достоевский не знал, какую он сказал правду, когда обозвал русский народ народом Богоносцем. Не знал потому, что нельзя быть носителем «нового Бога», который уже даже «принесен» другим народом и нельзя этого Бога называть новым, раз он уже «существует» две тысячи лет. И я думаю, что Достоевский в тот момент, когда он произносил это имя, верил действительно в «нового Бога». В тот момент он был сам настоящим последовательным Шаговым. Иначе он не был бы пророком, или пророчество его было бы абсурдом. А между тем, пророчество сбылось, что касается негативной большевистской стадии революции, — почему же пророчество того же пророка не должно сбыться, когда оно касается ее грядущей положительной конструктивной стадии? Мы, верящие в силу добра больше, чем в силу зла, верим, что сбудется и положительная сторона пророчества. Ведь Достоевский предугадал не только русских бесов, он, несмотря

на это, а может быть и благодаря этому, был величайшим русским мессиианстом. И можно сказать, что происходящая на наших глазах русская история, совершается по Достоевскому. Вчера русский народ отверг старую ложь мира, и для этого нужны были бесы, ласачи, преступники, убийцы, ибо задача состояла в том, чтобы разрушить, в том, чтобы покарать за века уродства и лжи жизни, — завтра он понесет миру **Новую Правду** и для этого нужны будут новые люди с пафосом творчества, люди — рыцари от историческоог делание, которые и выйдут из революционного огня и моря страданий мужественными и просветленными. Выйдя же из революционного огня, они принесут с собой жар и страстность каления. Основной стихией их будет стихия героической борьбы и следовательно, героической прометеической победы. И потому на смену большевистскому материализму придет не немощный христианский идеализм, — новый идеализм придет одетый в гранит, проникнутый железом. И это будет «религия» не христианской немочи, а мощи, не уничтожения человека, а возвеличения его, не религия юродивых и рабов, а гармонически организованных и свободных. Россию пьяную, преступную, несуразную, шальную этот новый, рожденный в вихрях истории, идеализм должен будет **геометризировать**, разумом сковать, насытить солнцем. Не в ночь теологического мирозерцания, или идиотизм материалистического, погрузится новая завтрашняя Россия, а разгорится пламенем героического, титанического мирозерцания Победы, Подвига, Свершения, Туда.

Из всего сказанного явствует, что мы являемся единственным, последовательно пореволюционным течением, ибо лишь мы утверждаем «новую землю» и «новое небо», учтя и здесь опыт революции. Все проч. пореволюционные течения непоследовательно утверждают лишь «новую землю»; «небо» у них старое, а потому стара и «земля», ибо поскольку для нас всех примат принадлежит идеальному над материальным, постольку для нас должно быть очевидным, что нет «новой земли» без «нового неба». «Новая земля» без «нового неба» — ложь, внутреннее противоречие или это скрытый большевизм, т.е. «новая земля» без всякого «неба»: ведь старое, т.е. мертвое «неба» — все равно, что никакого, все равно, что большевизм.

Можно сказать, что та страшная духовная пустыня, которой является наша современная буржуазно-материалистическая эпоха, все более разделяет все живое в современном человечестве на два лагеря. От мертвого дыхания ее одни — малодушные — бегут в прошлое; другие мужественно стремятся прорваться в будущее. — Духовная реакция или Духовная Революция — такова имеющаяся здесь альтернатива. Так вот **большинство** наших новых течений не на стороне Духовной Революции, а на стороне духовной реакции. И поскольку, повторяем, для нас всех примат принадлежит идеальному над материальным, постольку, не сознавая и не желая того, они являются реакцией вообще.¹⁾ Больше того, если в других областях — политической, социальной — реакция может быть терпима и даже необходима, то есть область, в которой она абсолютно нетерпима, — это область духовной жизни, ибо по самой природе своей дух всегда революционен. Мятежное, творческое начало — он осуществляет себя в том, что творит все новые и новые формы жизни. Старинная антитеза: религиозность или атеизм — теперь уже не имеет никакого

1) С поправкой на тех, которые, отрицая «историческое» христианство, искренно говорят о «неохристианстве».

исторического смысла. Кто еще в наше время станет ратовать за атеизм? — Лишь в какой либо архаической среде все еще продолжающей жить шаблонами 18-го века, можно встретить такую постановку вопроса. Реально же вопрос теперь лишь так стоит: духовная реакция или Духовная Революция? И представители архаических форм религ. миросозерцания должны теперь вот на этих позициях принять бой. Дальше же мы увидим, что эта антитеза утратила смысл не только исторический, но и логический.

Вот глубинная сокровенная линия, которая размежевывает современный мир. Это особенно верно в отношении России. Там это мертвое дыхание великой духовной пустыни нашего времени поднялось в страшный материалистический самум — все выжигший. И нужна подлинная Духовная Революция, чтоб возродить вновь этот целый духовно опустошенный материк. Тем более, что здесь есть и положительный смысл. Он в том, что в этом самом материалистическом самуме сгорело все то, что исторически сожжению подлежало. Лишь вечное сжечь он не мог. Большевизм с его негативной революцией лучше всего может быть характеризован этим стихом: «любовью и ненавистью огонь омоет мир». — В этом смысл большевизма. Потому он, подобно пламени, и потухает лишь по мере того, как догорает то, что должно было сгореть. И когда потухнет большевизм, а он скорее именно «потухнет», чем будет «свергнут», тогда нам представляется чистая, огнем омытая, первозданная земля, на которой из пламени вышедший новый человек воздвигнет свой новый мир... — Но над ним будет возвышаться не старое сплошь изъеденное христианское небо, а подлинно «Новое Небо», соответствующее «Новой Земле».

Во всяком большом историческом движении есть последовательность **углубления**. Она диктуется динамическим законом единства. Развитие идет из глубины на поверхность или, начавшись на поверхности, необходимо идет в глубину. В порядке такой последовательности углубления весь современный реконструктивный процесс (во всех его формах и степенях: либерализма, социализма, фашизма, коммунизма и т. п.), эта подлинная мировая революция, может быть отвлеченно рассматриваем, как последовательность трех революций: первой — **политической**, имевшей своим предметом **новое государство**; второй — **социальной**, поставившей своей проблемой **новое общество**, и третьей — **духовной**, проблемой которой явится **Новый Человек**, новое миросозерцание, ибо новый человек это новое миросозерцание. Последняя революция и должна будет над новой землей воздвигнуть новое небо; в новое социально-политическое тело вдунуть соответствующую ему новую душу, дать новому бытию новое сознание. Это будет решением со стороны **суб'екта** всех тех проблем современности, которые в ней ставились и решались до сих пор лишь со стороны **об'екта**. В своем предельном и сокровенном предназначении она должна будет осмыслить, освятить, одухотворить то грандиозное, что вот уже столетия совершается в мире, явиться **Апофеозом** этого великого всемирно-исторического переворота. Начало и конец, итог и основа двух эпох, двух миров — Синтез на их грани, она Апофеоз одной эры развития и в тоже время пролог к будущей новой эре. Такова необходимая историческая последовательность, ибо историческая последовательность есть последовательность диалектическая.

Но это также факт, поддающийся эмпирическому констатированию. — Кто способен подслушивать сокровенный ритм истории, тот не может не слышать нарастающий прибой новых творческих духовных энергий в мире.

Самым значительным и характерным для нашей эпохи является все отмечающая собою печать **градиозности**. Это — внешнее указа-

ние на то, что мир действительно вступает в измерения титанического мирозерцания, фуританизма (см. мою статью в № 2). Планетарность масштабов, культ темпов, невыразимость грандиозных величин; земля стала казаться маленькой и тесной; все точно стремится выйти из установленных границ. В бесконечность отодвинулись все горизонты. И все стало или стремится стать в то или иное отношение к бесконечности. Мир точно переживает какой-то всеобщий кризис границ, кризис меры, того, чем так дорожила античность. И среди всей этой божественной пляски бесконечных масштабов, темпов и величин, только сам человек остается отмеченным печатью ничтожества. Здесь величайшая проблема нашего времени, подлежащая всемирно-историческому разрешению. Она и должна явиться темой грядущей Духовной Революции. Эта тема — Новый Человек.

Мир стоит перед великим откровением божеского величия человека, иначе он не сможет вместить все то грандиозное, что он создал. Дело идет о восстановлении соответствия исторического субъекта и объекта, иначе говоря, соответствия между величием человека и величием того, что он создал. Здесь величайший парадокс нашего времени, что в нем творение оказалось выше своего творца. Этот парадокс и должен получить свое разрешение в том откровении божеского величия человека, к которому всеми своими действиями он уже подготовлен. Но для того, чтоб воспринять это совершающееся в бурях и грозах современных войн и революций откровение, надо мужественно глядеть в будущее, в вещное лицо Истории, а не малодушно отступать перед грандиозными историческими стихиями и бежать в прошлое. — Надо звать к Духовной Революции, а не к духовной реакции.

Такое представление о божеском величии человека, соответствующее грандиозности новых жизненных масштабов может по существу дела вместиться лишь в идею того титанического мирозерцания, которое и творит — стихийно и бессознательно — современное человечество, идя навстречу совершенно новой эре своего существования. Нужно или скрыть этот, вызванный к бытию целый новый космос — продукт грандиозного осуществления, мир неведомых прежде сил, величия и бесконечной целеустремленности и тогда, быть может, среди убогих хижин, возрожденной патриархальности и темноты сможет снова затеплиться тусклой лампадкой христианство; или если грандиозное величественное извержение этих гигантских творческих стихий будет и впредь шириться и возрастать, тогда возможно только титаническое мирозерцание (Фуританизм). Надо улавливать стиль жизни, ее направленность и масштабы — только тогда можно понять — почему в известную эпоху существования Индии стал возможен буддизм, почему в древней Палестине могло зародиться Христианство, или материализм в нашу мещанскую, буржуазную эпоху и почему в творческой вулканической атмосфере новой порождающейся эры невозможно больше всякое вообще теологическое мирозерцание и необходимым становится мирозерцание титаническое. Ибо только последнее оправдывает, осознает, осеняет ореолом высшего смысла все то необыкновенное, грандиозное, что происходит в мире. А между тем, как пишет один из лучших и искреннейших представителей современного христианства, Н. А. Бердяев, «в сущности старое религиозное сознание отрицает смысл всемирной истории, признает всю культуру недоразумением, не понимает предназначения земной плоти. Сама земля для исторического христианства есть соблазн, ни для чего не нужный. Мировое освобождение, мировое творчество культуры есть зло и скорее регресс, чем прогресс» («Новое религиозное сознание и общественность»). Тем не менее, апологеты хри-

стианства будут, конечно, говорить о «вечности» христианской истины, но то же говорят апологеты любой другой религии или философской системы. Гегель даже видел в своем, действительно грандиозном построении, высшее, заключительное выражение самосознания мирового разума.

И тем не менее, не может быть и речи о полном отвержении христианства. Оно умерло, как целостный духовный организм, но отдельные существенные элементы его войдут в зарождающееся новое титаническое мирозерцание, поскольку и в нем содержатся некоторые элементы последнего. — Ведь в чем, собственно, разница!? Все то, что вы надеялись пайти на «небе», **Мы** обещаем осуществить **здесь** на земле. — Мы, люди грядущего титанического мирозерцания, каким и будет новое человеческое сознание. Вы предлагаете во всем «улювать» на Бога, а **Мы** утверждаем, что **все** осуществим **Мы**. Отсюда **пассивизм**, характеризующий квиэтистское теологическое мирозерцание и предельный **активизм**, присущий героическому титаническому мирозерцанию. Отсюда наша «религия», религия **организации мира** и ваша религия проклятия и клеветы на мир.

Такое новое мирозерцание стоит несомненно, на очереди страшного исторического дня. Обладающее предельной мобилизационной способностью, оно радикально пересоздаст тип человека, творя будущих людей героев, как христианское мирозерцание творило людей святых. И если есть в Русской Революции высший смысл, а его не может не быть, то он в том, что она явила в себе **негатив** этого грядущего титанического мирозерцания, этой, бессознательно уже исповедуемой религии **преображения мира**, организации Истории, которая и явится заветом нового человечества.

Такое радикальное перемещение мира с оси мифического теологического мирозерцания на ось **реализационного** титанического — обусловлено тем величайшим переворотом, который происходит в мире. — Если раньше была возможна вера, что все, что составляет предмет упований человека дано «там» и была невозможна вера, что все это осуществимо «здесь», то теперь, наоборот, стала невозможной вера в то, что все это есть в «потустороннем мире» и возможной в осуществимость всего этого здесь, в мире «посюстороннем».

Этот всеобъемлющий переворот совершило современное знание, которого справедливо так всегда боялось всякое теологическое мирозерцание. Вспним первоосновной теологический миф о «грехопадении» и последовавшем всеобщем проклятии человека. Именно знание сделало невозможной мифическую веру в потустороннюю совершенную жизнь и возможной веру в осуществимость ее в посюстороннем мире, ибо знание дало свет человеку — с одной стороны и могущество — с другой — два основных атрибута прометеевского фуританического мирозерцания.

Но при полярности в путях, тем не менее, нет разницы в идеалах между теологическим, в частности христианским, и титаническим мирозерцанием. И то, и другое идеалом своим имеет Предмет предельных чаяний и упований человека. Но первое **грезит**, второе **осуществляет**, первое — мирозерцание мифическое, второе — реализационное. Все религии, как проявления теологического мирозерцания, были вещими снами о грядущем титаническом мирозерцании (см. мою статью в № 2 «Третьей России»). Величие, Бог, всемогущество, чудо, счастье, всеосуществимость, совершенная жизнь — все это было мифом, легендой, видением того, что лишь на известном критическом уровне всемирно-исторического развития становится, наконец, осуществимой и осуществляющейся реальностью. **Мы** — у начала эры этого осуществления, эры подлинного челове-

ского торжества, его прометеевской Победы. Определяющим положением этой новой эры человеческого существования будет предельное положение, что нет границ могуществу человека, что потенциально человек **все может**, что в потенции человек-Бог (см. мою статью в № 2 «Т. Р.»). Эта предельная идея грядущего титана, мирозерцания, что человек есть Бог, помимо христианства, давшего ей лишь негативное выражение в идее «Богочеловека» (см. ниже), составляет одну из наиболее распространенных интуиций древней индусской мудрости. Торжество Атмана и Брахмана есть основное центральное учение Упанишад. Там оно встречается почти на каждом шагу, можно бы было без конца выписывать на этот счет отсюда цитаты. В наше время Восток смыкается с Западом, взаимовосполняясь в самом существовании и значительном, в частности, повидимому, и в этой величайшей идее. Но то, что там было лишь смутной теоретической интуицией, в наше время вырастает в величайшую мистерию исторического осуществления.

Только на почве такого мирозерцания можно говорить и о новом общественном идеале, который мы уже определяли понятием «**фуританизма**» в специальном смысле слова. Это не пошлый, убогий марксистский социализм, обещающий человечеству общедоступную обжорку и всеобщее торжество посредственности и мещанства на земле, это строй подлинно осуществляющегося прометеевского дарования, «царства Божьего на земле», строй древней платоновской мечты об Атлантиде.

Несомненно, должно считать, что современный социализм создал социальное тело будущего общественного строя. В этом его историческая значительность. Для улицы, для профанов фуританизм и должен представляться неким социализмом. Но современный материалистический социализм лишен души. Он в самом деле, как и говорят, бездушен. Даже больше того, духовно он бедативен, нигилистичен. Потому и выглядит он, как тело без души, — пошлым, низменным, материалистическим убогим. Однако, по историческому характеру своему это социальное тело только и может быть одухотворено душой титанического мирозерцания. — Социализм, как социальное тело, одухотворенное идеей титанического мирозерцания, это и есть, собственно, фуританизм.

Но говоря о творческом **преодолении** (а не отрицании) христианства и следовательно, о его **синтетическом** включении в новое более высокое титаническое мирозерцание, поскольку и в христианстве есть элементы последнего, надо при этом сказать нечто неизмеримо большее. Ибо дело идет о преодолении вообще этой величайшей мировой антитезы: религиозности и атеизма и об осуществлении фуританического сознания в собственном смысле слова. — Эра религий — в теологическом смысле — кончилась. **Но тем самым кончилось и их постоянное отрицание — атеизм.** Это величайший духовный факт нашего времени, который часто, не понимая великого исторического смысла за ним скрытого, реакционно воспринимают, как возможность возрождения старой религиозности. Пока атеизм в своей вековой борьбе боролся с религией, а религия — с атеизмом, в мире назревал тот, отмеченный выше, великий переворот, который с одной стороны, приблизил новое мирозерцание к религиозности и особенно к христианству, а с другой — бесконечно его удалил. Произошло нечто неожиданное и для религии, и для атеизма. — Явилось — пока правда, лишь стихийно — то **Третье**, вмещающее и оправдывающее их и в то же время их исключяющее и преодолевающее, тот высший **Синтез**, который уже не является ни религиозностью, ни атеизмом и в то же время, в известном смысле, является и тем, и дру-

тим. Ни одна историческая антитеза не вечна. В окончательном исходе они разрешимы все и таковой прежде всего является эта величайшая из антитез, антитеза религиозности и атеизма, которая и была сокровеннейшим противопоставлением во всем том, что было до сих пор. Противопоставление это, в конце концов, являлось ни чем иным, как противопоставлением Бога и Человека. И нарушенное, смещенное в христианской идее Богочеловека, оно, наконец, будет разрешено в грядущей идее фуританического мирозерцания Человекабога. Уже христианство своей идеей, что Бог есть человек, подготовило идею, что Человек есть Бог. Но христианство этого первоосновного единства Бога и человека достигало не **возвышением**, а **снижением**, не положительно, а отрицательно. Не тем, что человек возвышается до Бога — возвеличительная идея Человекабога, а тем, что Бог снижается до человека — уничижительная идея Богочеловека. И в этом его конститутивное определение, как религии **уничтожения**, теологического восстания против гор, чем, однако, негативным образом оно подготовило религию возвеличения и титанического их **воздвижения**. Только после христианства с восторжествовавшей вместе с ним в мире духовной тенденцией **всеуничтожения**, стало возможным это современное **гуманистическое** торжество низин, серости и мелкоты. Но зато только теперь вслед за ним возможно наступление эры **всевоzewеличения** и торжество прометеевски создаваемых вершин. Богочеловеческий путь от Неба к Земле подготовил Человекабожеский путь от Земли к Небу. Религия **нищих духом**, христианство, развенчав высшее начало бытия, Бога в теологическом смысле, подготовило религию могущих духом с высшим началом бытия в титаническом смысле. Никакому атеизму и не снилось то, что христ. сделало с теологией, идеей Бога. Древние встретили его явление, как кощунство. И действительно, есть в этом правда, самими древними понята слишком поверхностно, ибо, если человек становящийся Богом — это величественно, то Бог становящийся человеком — это кощунственно. Тем не менее, в плане высшей закономерности это было необходимо. Подчиненный той же мировой тенденции, буддизм поступил лишь более благородно, но за то и безрезультатно: он просто упразднил Бога. Без идеи Богочеловека — **негативного** способа преодоления антитезы религиозности и атеизма, Бога и человека, мир не мог бы прийти к идее Человекабога — положительного преодоления этой антитезы. Идея Богочеловека доступна пониманию из последних глубин ничтожества человека, идея Человекабога до конца может быть воспринята лишь с предельной высоты величия его. Таким образом, вот сокровенный смысл того величайшего перемещения, которое совершается на глубине в современном мире. Верховная для нас идея противопоставления мифического Сущего и реального **Становящегося Бога**, Мирового Становления, как становления Абсолюта, особенно уместна именно здесь, в этом решающем моменте преодоления антитезы религиозности и атеизма, ибо она и есть идея этого преодоления. Великий, вековечный вопрос: **есть Бог или нет Бога** оставался неразрешимым именно потому, что ставился **антитетическим**, но он является произвольно разрешимым **синтетическим** в титанической, «двойственной» идее Становящегося Бога — в диалектическом решении: **и «есть» и «нет»**. Ибо о «**становящемся**» нельзя говорить догматически: «да» или «нет», а лишь диалектически (в гегелевском смысле): и «да», и «нет». — Между бытием и небытием стоит ни то, ни другое: становление. И именно в нем верховный принцип нашего времени (с его динамизмом, развитием, прогрессом, творчеством). Поэтому идея Становящегося Бога не религиозная и не атеистическая, а **фуританическая** идея, вмещающая и преодолевающая то и другое; идея

Истории, Свершения, Осуществления, Победы, Становящийся Бог это не Бог и не человек и в то же время это и Бог, и человек; это человек, ставящийся Богом, — Человекобог, «Двойственный». — Два в Одним и Один в обоих.

П. Боранецкий.

Крах ленинской национальной политики

(К САМОУБИЙСТВУ СКРЫПНИКА)

30 лет! — можно сказать, вся жизнь Микола Скрыпника прошла в борьбе за национальное освобождение и социальное раскрепощение украинского народа. «Ми будемо вільними — серед вільних народів» — какой злой иронией звучит теперь эта фраза, проступающая красной нитью в его речах и писаниях!

Понятие трагичен конец этого большого и несомненно честного украинца, также, как и честного коммуниста — «старого ленинца».

30 лет упорной и сознательной борьбы, а в результате не духовная удовлетворенность, а страшная пустота, тяжелое одиночество и открывшаяся бездна, пронасть в которую он и свалился.

Каких лет?! В молодые годы Скрыпник идет в подполье. Почти 15 лет «борьбы с царизмом», по свержении которого должно прийти всеобщее освобождение и наступить «рай на земле». Путей было много, Скрыпник выбирал только раз и уж выбрав один, пошел по нему прямо. Он идет на крайний фланг революционного движения — в партию большевиков. Революция, — Скрыпник борется в ее рядах за новую культуру на восставшей Украине — «национальную по языку и форме и социалистическую по содержанию». Победа большевиков выдвинула Скрыпника в первые ряды украинской компартии, он стал во главе культурной жизни Советской Украины и оставался в центре ее вплоть до самоубийства, будучи «наркомом освіти».

Кончина Скрыпника в вопросе о взаимоотношениях украинских коммунистов с Москвой раскрывает сама по себе многое, являясь наглядным показателем внутреннего разрыва этих отношений, кроме того она ярко свидетельствует о неудавшемся опыте всей ленинской национальной политики.

Действительно, уже после первой опалы над Шумским, Сталин стал «снимать» с ответственных постов украинских коммунистов и присылать на их место с центра — Молотов, Коганович, Постышев, Абрамович... Украинский партийный аппарат работает только если во главе его стоят или великороссы или евреи. Украинские коммунисты оказались плохими коллективизаторами, подпавши под влияние «особой хозяйственной психологии украинского мужика» и вообще «волками в овечьей шкуре»!

Сталин все жмет, Союзную Конституцию режет декретами, от Союзных Республик осталась лишь тень первых лет революции. Процесс развития пошел обратным ходом. Сатрапы должны быть везде — тогда лишь деспот может править! Сатрапы работают за страх!